

18+ Земля моя ладанная

Стихи и рассказы

Ирина Вириитина

Ирина Вириитина

Земля моя ладанная.

Стихи и рассказы

«Издательские решения»

Вириитина И. К.

Земля моя ладанная. Стихи и рассказы / И. К. Вириитина —
«Издательские решения»,

Герои рассказов Ирины Вириитиной проходят все ступени становления личности: от светлых и трогательных историй детства в тяжёлой послевоенной реальности до выбора собственного жизненного пути и принятия осознанных решений зрелости. Сложности взросления, поиск своего места в мире, первая любовь и первые потери — простые истории о самом важном. В сборник также вошли стихотворения: искренние, светлые, наполненные любовью к Родине, Богу и людям.

Содержание

Стихи	7
«Молоком парным и хлебом...»	7
«Когда мама пахла мамой...»	8
«Окон голубые ставни...»	9
«Для хроник — отдельный томик...»	10
«Поредели в ноябре...»	11
«Выглянул солнца луч...»	12
«Цвет в окошке неба синий-синий...»	13
«С разноцветною листвою...»	14
«Шелковистые ковры...»	15
«С охапкой жёлтых листьев лес...»	16
«Зреет в огороде...»	17
«А я России моей берёзка...»	18
«Близок мне батюшка-Дон...»	19
«С подоконника синица...»	20
«Рукой прикрываю глаза ...»	21
«А у нас такая жара ...»	22
«Через тьму пробился к свету...»	23
«До зорьки встали рыбаки...»	24
«Запрягает в раданку...»	25
«Под солнцем апрельским, ярким...»	26
«Сквозь настилы прошлогодних...»	27
«...И в небе топится тандыр...»	28
«Видел каждый селянин...»	29
«Предзимье зиму приближало...»	30
«Полосатый мяч — арбуз...»	31
«Месяц август. От жары...»	32
«День янтарный и тягучий...»	33
«Все секретники с подкорки...»	34
«За счастье русской зваться мне...»	35
«Март капелями стучит...»	36
«День, зачатый в чреве ночи...»	37
«Небо серое с лиловым...»	38
«Зимний день. Мороз трескучий...»	39
«Уж кукушка не кукует...»	40
«Люблю ноябрьскую голость...»	41
«Поминальные всё речи...»	42
«Топится банька...»	43
«Вечереет. Осень. Гулко...»	44
«Август. Лето на изломе...»	45
«Месяц август — месяц жнивень...»	46
«Сколько их на свете — Родин...»	47
«В синих пропастях меж облак...»	48
«Изранен ветрами февраль...»	49
«Осени листья — церковные маковки...»	50
«Уже поля чернеют пашнями...»	51

«Бреют флюгеры на крышах...»	52
«Ещё будет много света!..»	53
«Июльский день лучом распятый...»	54
«Влаголюбивая, поэтому с претензией...»	55
«Стихли февральские бури...»	56
«Спешат, как нижутся у храма...»	57
«Старушке снова жарить соль ...»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Земля моя ладанная Стихи и рассказы

Ирина Константиновна Вириитина

Корректор Елена Кормильцева

Дизайнер обложки Мария Фролова

© Ирина Константиновна Вириитина, 2026

© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2937-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

«Молоком парным и хлебом...»

Молоком парным и хлебом
Пахнет Родина моя,
Васильково-синим небом
И ромашками маня.
Земляникой и морошкой,
Разной ягодой лесной.
И бревенчатым, с окошком
В ставнях, домом за спиной.
И отцом, и доброй мамой,
Дедом, бабушкой и мной.
И душой широкой самой,
И в мороз, и в летний зной.
И крестами на погостах.
И полынкой на холмах.
Мне моя страна по росту.
А другим на вырост. Ах!
Пусть по-разному толкуют.
А она всё ближе мне.
Я люблю её такую:
В ситце, штапеле и льне.

«Когда мама пахла мамой...»

Когда мама пахла мамой,
Дом был шире и светлей,
Я была счастливой самой
На большой планете всей.
И полынь была высокой.
Гром весенний громче был.
И мохнатее осока.
И кудрявее ковыль.
Хлеб казался в поле выше.
И обильнее дожди
Через край лились на крыши.
А за ними радуг жди!
И по улицам, что реки,
Мчась ручьи вперегонки,
Забегали и в сусеки,
Заливали погребки.
Жизнь казалась слаще вдвое,
Словно яблочный пирог.
И солёней чьё-то горе.
И родимее порог.
В кружке тёплое, парное
Зорьки нашей молоко.
Это всё моё родное.
Это близко, далеко.
Лишь проснёшься — ниоткуда
Счастье, радость тут как тут,
Драгоценнейшее чудо
В сердце маленьком живут.

«Окон голубые ставни...»

Окон голубые ставни.
Дощатые в доме полы.
И берег у речки дальний.
И белых берёз стволы.
И рапса жёлтое поле.
И сизый ковыль степной.
В степи жеребёнок вольно
Пасётся за сена копной.
Всё это мне с детства близко.
Всё это меня зовёт.
Всё это родное слишком.
Всё это во мне живёт.
А утром, лишь чуть светает,
И тени кругом ветвей
Деревьев, ты, Русь святая,
Становишься мне святей.

«Для хроник — отдельный томик...»

Для хроник — отдельный томик.
Стихам моим — разнообразия.
Пусть этот будет про домик
Саманный в Средней Азии.
Он был всех начал началом,
Уютной моей колыбелькой.
В нём мама меня качала,
Прижав к груди, на коленках.
И медленно что-то пела,
Чтоб я с молоком успела
Впитать в себя то далёко,
Впитать в себя так глубоко.
Луна же, играя в прятки
С оранжевым ореолом,
Раскосою азиаткой
Глядела над синим долом.
А солнце пряло рубаху
Свободному ветру, пряха.
Берёзам, ивам косы
И утренним травам росы.
Кипела кровь — не стыла.
Я слышала песнь акына,
И звуки ногайской плётки
В степи раздавались чётки.
Желания сбыточны — птицы
Безудержны, кто-то словно
Писал за меня страницы.
А время то вскачь, то ровно,
Ни с чем несоизмеримо,
Не зная плохой погоды,
Вплетало в судьбу незримо
И реки, и пароходы.
А в доме топилась печка.
И в доме горела свечка.
И было в нём так уютно:
И ночью, и днём, и утром.

«Поредели в ноябре...»

Поредели в ноябре
На деревьях кроны.
На ветвях по три, по две
Каркают вороны.
Нет на грядках кабачков
Полчища ползучих.
Лишь трава лежит бочком
На компостной куче.
Возле сонных нынче дач
И полей чернильных
Косолапый ходит грач
В фраке чёрном, длинном.
И всё меньше на земле
Нынче ярких пятен.
Колошматит на стволе
Вяза пёстрый дятел.
Солнце катится быстрее
По багряной горке.
Провалился воробей
В лужу с хрусткой коркой.
И в тумане горьких слёз
Потонули крыши.
И привычный шум берёз
По утрам не слышен.

«Выглянул солнца луч...»

Выглянул солнца луч
И растопил снега.
Плавятся, что сургуч.
Двинулись — и ага!
Солнце им друг, не враг.
Звонко поёт капель.
Этот ручей в овраг.
Вот тебе и купель!
Этот ещё в пути
Мчится по улицам.
Вот над ручьём летишь
Будто бы курицей.
В марте зима всегда
Плачется. Хитрости —
Это её беда.
Солнце же цитрусом
Светит на блюдечке
С синей каёмочкой.
Ивы, что Людочки,
В косах тесёмочки
Синие, алые
И изумрудные.
Радости малые,
Радости чудные.
Спрячет колоду карт
Зимушка хитрая.
Сокодвиженье март
Выдаст всем литрами.
Сок на берёзе, глянь,
Виснет сосульками.
В каждой берёзе всклянь
В пузиках булькает.

«Цвет в окошке неба синий-синий...»

Цвет в окошке неба синий-синий,
И ромашек белый на лугу,
И зари багряный я России
Всей душою искренне люблю.
И холмы, и перекасти-поле.
И тропинку узенькую в храм.
И простор степей. И силу воли
Всем живущим, что присуща нам.
И раkitник над рекой ползущий.
И шиповник раненый в крови.
И ветрами пахнувший насущный,
И дождями хлебушек земли.
И берёз расписанные шали.
Нервную осины тонкой дрожь.
И ковром до горизонта дали.
Ведь любовь божественная сплошь.
Она всюду. Чувствуешь дыханье?
В каждом распустившемся цветке.
В каждом лепестке благоуханье.
В каждом новом жизненном витке.
Запах трав и сладостный, и терпкий.
Хоть иголкой спрячься ты в стогу!
И оттуда виден купол церкви.
И слышнее горлицы «угу».

«С разноцветною листвой...»

С разноцветною листвой
К нам опять в дворишки
Прилетели на постой
Жёлтые воришки.
Маскировочный наряд,
Словно листья грудки,
Треплют зимний виноград.
Пёс зевает в будке.
Переполненное всклянь
Небо серой тучей
Уж дождём прольётся, глянь!
Скоро всем наскучит.
У сарая, что свеча,
Запылала груша.
Замолчала не вчера,
Спит в пруду квакуша.
Кошка рыжая с утра
Моем морду лапкой.
Пробирает до нутра
Воздух свежий. Зябко.

«Шелковистые ковры...»

Шелковистые ковры
Расстелил октябрь.
Что ни дерево, гляди,
В бронзе канделябр.
Просвистел разбойник-ветр,
Прикрываю спину,
От земли листву на метр
Приподнял и сгинул.
На петунью брызнул дождь —
Пять холодных капель.
Под её рубашкой дрожь.
Выцветает штапель.
Просочилось лето в брешь
На веранде, видно,
Воздух стал заметней свеж.
Чутьочку обидно.
Разбросал каштан кругом
Ёжиком колючки.
Отдалённо слышу гром.
Набегают тучки.
Уж длиннее вечера.
Грею чаем ручки.
А ведь не было вчера
Ни единой тучки.

«С охапкой жёлтых листьев лес...»

С охапкой жёлтых листьев лес:
Берёзки, сосенки и ели.
Все с рюкзачком наперевес.
И тихо ангелы в нём пели.
Высовывался из-за туч,
Скользил, как будто по паркету,
По их макушкам солнца луч,
Прощаясь с красным тёплым летом.
В прозрачном свете вдоль дорог
Сверкала нитью паутина.
Сентябрь — осени порог.
А за порогом — середина.

«Зреет в огороде...»

Зреет в огороде
Овощ. В небе просинь.
И не лето вроде.
Но ещё не осень.
Копаной картошкой
Пахнет и ботвою.
Лезет на дорожки
Бasilik с братвою:
Сельдерей, петрушка —
Дружные ребята!
Кабачок всей тушкой,
Курочка, цыплята.
Побледнела в грядке
От жары капуста.
Юбочка в порядке:
Рюши к рюшам густо.
Хрупких яблок ворох
На траве примятой —
Закром будет полный!
Выпью чаю с мятой.
С луга тянет донником,
Терпкою солодкой.
Кот на подоконнике.
На столе шарлотка.
Тёплых дней осталось
С горстку. А пока
Пеньем наслаждаюсь
Доброго сверчка.

«А я России моей берёзка...»

А я России моей берёзка.
Я седовласый её ковыль.
Кудрявой вербы её серёжка.
И не в укор мне России быть.
И не в укор, что нараспашку
Душа открыта и широка.
И так проста, что в полях ромашка.
И что так тянется к ней рука.
Что купола васильков синее
Её соборов, монастырей.
И что люблю её всё сильнее,
Как любят чадушки матерей.
Мне никуда от тебя не деться:
Я словно петелька, ты — крючок.
Я словно нить, чтоб в иголку вдеться.
Я словно скрипки твоей смычок.

«Близок мне батюшка-Дон...»

Близок мне батюшка-Дон,
Лес и луга заливные,
Ставенки окон льняные
И кафедрального звон.
Эта тропа с бугорка
Видится тонкою нитью.
Вот раскачался к отплытью,
Слышится рёв катерка.
В небе бегут облака,
Опережая события,
Резво, игриво и прытью,
Смотрят на нас свысока.
Не от полыни уста,
А от причастия слаще.
Греют мне душу всё чаще
Эти родные места.

«С подоконника синица...»

С подоконника синица
Утащила рукавицу.
И раззявила роток
На засушенный цветок,
Мною с осени забытый.
А сорока вон, гляди ты!
Собрала с лозы изюм.
Что там ей пришло на ум?
Не на клиросе, не в хоре,
Разорались на заборе
(Греют лапы и хвосты)
Вновь облезлые коты.
Над забором, стал уж хлипкий,
Абрикос склонился липкий.
Тяжело вздыхает: «Ох!»
Ствол обвил зелёный мох.
Но весны свежо дыхание:
Шкурки белые бараньи
По глазури голубой
Проплывают надо мной.
Всё мне это греет душу.
Воробей сидит на груше
И поёт: «Чивик-чивик!» —
Скинь скорее ветровик!

«Рукой прикрываю глаза ...»

Рукой прикрываю глаза —
Любовь к золотому сорочья,
Гляжу, как заходит гроза.
По небу из облак всё клочья.
Уж ветра доносится стон.
Из сада домой табуретки
Вношу и снимаю с окон
От мошек москитные сетки.
А в доме шарлотка, ваниль.
Стучит за окошками дождик.
И в грязь превращается пыль,
И мокнет в саду подорожник.
И капли дождя на листьях,
С ветвей не опавших, до срока,
Сверкают алмазами. — Ах!
Ну надо ж? Ну, точно сорока!
Закончился дождик. И тишь.
Одна в углублении сада,
Вся вымокла, зябнешь, стоишь,
Прочувствовать, видимо, надо.
Как русская женщина, вспять
Могла б повернуть, в небе просинь,
Ушедшее лето, опять
Лишь бабье, по-дружески, осень.

«А у нас такая жара ...»

А у нас такая жара —
Не продохнёшь.
Август пришёл. Пора
Землю студить, дождь.
Чувствуешь, раскалена,
Лопаются по швам
Круглая шарик-Земля,
Нужная нам.
Слышишь, от зноя вопит,
Молится Богу, дождь?
Ну же, давай, кропи!
Что же ты ждёшь?
Ждёшь, в колеснице златой
Завтра средь бела дня
Протарахтит над грядой
Божий пророк Илия?

«Через тьму пробился к свету...»

Через тьму пробился к свету
Лишь один росток пшеничный.
Малахитового цвета
Был костюм его сценичный.
Рос, вырослел он в пыльной взвеси,
Но под солнышком лучистым.
Хоть немного граммов весил,
Колоском стал золотистым.
Плыл над ним из облак купол.
Дождь кропил святой водою.
Зрели с ним: горошек, куколь
И берёзка с лебедою.
Был он им не друг, не враг —
Не был им рукопожатным.
Каждый час, что прожит — дорог.
Только осень — время жатвы.
Отделять лишь ей от плевел
Зёрна хлебные для житниц
На припёке, на пригреве
С верой крепкою подвижниц.
В человеке каждом тоже,
Дай лишь время, в поле словно
Могут вызреть слово Божье,
Сорняков ненужных слово.

«До зорьки встали рыбаки...»

До зорьки встали рыбаки,
Влекомые рыбалкою.
Но не клевали судаки
На удочки с приманками.
Вдруг заходили желваки,
По килограмму, около,
Из речки тянут рыбаки
Три полосатых окуня.
Когда погасли звёзд огни
И луч сверкнул соломенный,
Набили, кажется, они
Рыбалкою оскомину.
Вот детвора спешит к реке,
Нырять и купается.
Уж кем-то покрик вдалеке
Кукушечий считается.
Над речкой высится гряда
И облака меренгою
Идут над нею в три ряда
Широкою шеренгою.
А если встанешь на гряде,
На бережок обрывистый,
То лентой видится внизу
Атласной Дон извилистый.
На речку вышел катерок
Летящею походкою,
И заигрался ветерок
С травой богородскою.
И дух стоит кругом такой,
Когда ты за оградой
До яблоч тянешься рукой,
Компотный, сладкий, ладанный.
Вот чья-то рыжая бредёт
На луг пастись Бурёнушка —
Так по-крестьянски и живёт
Родимая сторонушка.

«Запрягает в раданку...»

Запрягает в раданку
Лето месяц май.
Над опушкой с ладанкой
Слышен птичий гай.
Белыми батистами,
Дотянусь рукой,
Облака перистые
Мчатся над рекой.
Продырявил пиками
Небосвод камыш.
Дикий, серый, криками
Гусь встревожил тишь.
Слышно уток кряканье.
Что ни говори:
Вырос день и цаплею
Ходит до зари!
И как прежде радуют
В мае вечера
Лёгкою прохладою
Нынче и вчера.
Закатилось солнышко
За полсотню изб,
Светит над головушкой,
Что Николы нимб.
В окна звёзды-паданки
Сыплются в проём,
К образочкам с ладанкой
В домике моём.

«Под солнцем апрельским, ярким...»

Под солнцем апрельским, ярким,
Гляди, как краснеет носик —
В садах на деревьях, в парках
Медовый цветёт абрикосик.
Пасхально звенят бокалы
Тюльпанов у старой туи:
Всю зиму они алкали,
Старания не были все.
От косточки спелой, сдюжит,
В снегу пролежал и луже,
На свет появился Божий
Росточек с зелёной кожей.

«Сквозь настилы прошлогодних...»

Сквозь настилы прошлогодних
Листьев встали, погляди,
В рубашоночках исподних
Травы, руки на груди,
Воздух ладанный, кадильный,
Звень-позвень — слышна капель,
В рубашоночках крестильных
Опускаются в купель.
И в степи, ещё не пыльной:
Север, запад, юг, восток,
Уж проклюнулся ковыльный
Седовласого росток.

«...И в небе топится тандыр...»

...И в небе топится тандыр,
И книга белая до дыр
Зачитана, и тра-та-та —
Дробь барабанщика с утра.
Февраль закроет скоро книгу,
Ведь до весны всего полмига,
И пропись в несколько страниц.
Слетают в споре перья ниц
Пернатых (лёгкие морозы
Крадутся ночью, что жульё),
Из перьев, глины и навоза
Построят новое жильё!
Идти привычнее, не охать,
И не жалея черевик,
Там, где в сугроб увяз по локоть
С ведром дырявым снеговик.
Вдыхать привычней воздух вольный,
Его прозрачные клубки,
И слышать, как на колокольне
Воркуют сладко голубки.
Плотнеет снег. Потеет снег.
Не сдержишь времени разбег!
Хохочут радостно ручьи!
Кричат грачи ручьям: «Вы чьи?»
Печной повсюду слышен треск.
И солнца золотистый блеск
Так больно-больно режет глазки.
В сарае спрятаны салазки —
Им набираться новых сил!

А день февральский нынче мил
С его широкою улыбкой.
Над речкой пар клубится зыбкий.
Проснувшись, шепчет ей камыш:
«Ты спишь?»

«Видел каждый селянин...»

Видел каждый селянин
Давеча, как длинный
Вырисовывался клин
В небе журавлиный.
Нынче главы свои ввысь
Тянут еле-еле —
Вот и вытулупились
Сосны, дубы, ели.
Словно нет ему конца,
Снег идёт без меры —
Вот уж выкупоился
Храм Николы серый.
Непокрытого вблизи
Места не осталось,
Что мешок пустой, гляди,
Небо опросталось.

«Предзимье зиму приближало...»

Предзимье зиму приближало.
Зима уж жгучее из жала
В ноябрьский впрыскивала день.
Туч надвигающихся тень
От солнца землю затмевала.
Земля, что в белой пене брег
Морской, летит уж первый снег,
Под тёплым дремлет одеялом.
Шумливых смолкли стаи птиц,
На юг летевших. Пала ниц
Листва с деревьев, оголились
Их ветви чёрные, что смоль,
В коре их выступила соль —
Перед Создателем молились,
Чтоб дни земные их продлились.

«Полосатый мяч — арбуз...»

Полосатый мяч — арбуз,
Тыковки — кареты,
Как медовые на вкус —
Осени приметы.
На шпалере огурец,
Сюртучок суконный,
По-казацки удалец
Крутит ус исконный.
Вот из карликовых астр
Золотой гербарий
У сарая без пилястр,
Вот чадит розарий.
Уплотняется в компост
Вся ботва на куче.
Нет, сорок пугавших, в рост
В огороде чучел.
Фиолетово ему,
Он в душе не лирик,
Хоть петрушку, хоть кинзу
Потеснит базилик.
К встрече тот готов, к зиме,
Кто запаслив слишком.
Видишь, тащат на гумне
Зёрна муравьишки!
С яблонь зрелые плоды
Полетели с хрустом.
В мыслях столько ерунды,
Что в закатах грусти.
Час поёт, другой поёт,
Ох, сверчок бедовый!
Как вибрация идёт
По всему по дому.
Поминальное сверчка
Надоело пенье,
Словно старого дьячка.
Всё. Конец терпенью!
Чтоб остатки дней сберечь
Тёплых, свечку эту
К образам иду зажечь
Я о здравии лету!

«Месяц август. От жары...»

Месяц август. От жары
Нет нигде спасения.
Уж за Спасами в дворы
Крадется Успение.
Дни густые, словно щи,
Что сметанкой сдобрены.
— Только не переборщи
Небушком сподобленный!
В помидорах гамаки
С мухами качаются —
Вяжут, вяжут пауки,
Нити не кончаются.
По курганам и степям
Травушки полынные
Сохнут — ветру тёплым дням
Петь псалмы поминные.

«День янтарный и тягучий...»

День янтарный и тягучий,
Что древесная смола.
В непроглядном и липучем
Вязнет мареве пчела.
Занавесок слышен шорох
Из тяжёлого сукна,
Лёгкий шёпот в коридорах
Из открытого окна.
Мягкий тагетеса бархат,
Словно бабочки крыло.
Сладко-резко-терпкий запах —
И от сердца отлегло.
Лап паук не покладая
Гамаки в кустах плетёт:
Осень, подразумевает,
В гости к августу идёт.

«Все секретики с подкорки...»

Все секретики с подкорки
Память считывает свято,
Мчится, мчится, словно с горки
Я с сестрёнкою когда-то.
Там, где степи с ковылями,
Сопки, лес и птичьи гулы,
Где домишки саманами
Встали в крепкие аулы,
Где с небес глядится солнце
В воды чистые озёрны,
Опускается до донца,
Где хлеба тугие в зёрнах
Вызревают, топят печки
В час таинственной прохлады,
В небе бегают овечки,
Мне всегда, как гостю, рады,
Молоко парное в крынке
Где — Бурёнкино творенье,
Пишет девочка Иринка
Первое стихотворенье —
Жизни будущей основа
И духовности иммунность.
Мчится, мчится память снова:
Детство, отрочество, юность.

«За счастье русской зваться мне...»

За счастье русской зваться мне,
Россия-мать, прими поклоны!
До боли в шее и спине
За чтение утренних канонов,
За одуванчик на лугу,
Берёз зелёные фелони,
И за двенадцать раз «угу»,
Пропетых горлицей на лоне
Природы, крестик на груди.
Из перевёрнутых, и кстати,
Из чаш, из купольных, гляди,
Стекает море благодати.

«Март капелями стучит...»

Март капелями стучит
По пенькам, по кочкам.
Воздух ладаном горчит,
Курит в люльках почки.
Под деревьями и вдоль
Леса в липких смолах
Островки из снега — соль
Крупного помола.
Расплавляет, что сургуч,
Смолы утром рано,
Закупоривает, жгуч
Луч деревьям раны.
Появились средь полей
Первые проталины.
У сосулек всё длинней
Ноги, тоньше талии.
Прошлогодний снеговик
Скособочен дюже.
Вот воробышек: «Чивик!» —
Искупался в луже.
Солнце яркое до дыр,
Блеска начищается.
Вот сверкает, что потир,
В водах причащается.
Цвет у неба, приглядишь,
С синевою нежненькой.
Стебли-руки тянут ввысь
Белые подснежники.

«День, зачатый в чреве ночи...»

День, зачатый в чреве ночи,
Тщетно небо теребил:
Он на свет что было мочи
Раньше времени спешил.
Содрогаясь, ночь от боли
Дотерпела до утра
И теперь по Божьей воле
Разрешения ждала.
Смысла не было перечить —
Скоро явится дитя!
Разогнав всю в небе нечисть,
Успокоилась она.
Шевельнулся в чреве ночи
День. Толчок. Другой. И вот
Занялся красивым, очень
Алым цветом небосвод.
Разгоралась на восходе
Долгожданная заря —
Угасала на исходе
Ночь при ярком свете дня.
Всё ему: и солнца лучик,
Нарождённого дитя
Он коснулся ножек, ручек,
И о здравии лития.

«Небо серое с лиловым...»

Небо серое с лиловым.
Воздух свеж. Мороз трескуч.
С крыш катаются вороны,
Снег под лапами скрипуч.
Слышен хохот на задворках.
Разудалая пора!
На салазках, на картонках
Мчится с горки детвора.
В рукавах застыли льдинки.
Словно собственная тень,
За спиной собака Динка,
Убывает скоро день.
Вот уж тащатся салазки
Во дворы. Мороз окреп.
А в домах, как в доброй сказке,
Украшается вертеп.

«Зимний день. Мороз трескучий...»

Зимний день. Мороз трескучий.
Все дороги замело.
В одеяло снежной тучи
Всё завёрнуто село.
Мы берём свои салазки
И спешим скорей во двор.
Зимний двор похож на сказку.
Снег сверкает, что фарфор.
Ветви древ — большие лапы
Чудищ сказочных кругом.
Вот за ночь подрос, как папа
Стал высоким снежный дом.
Как великие стратеги,
И, как будто на века,
Строим крепости из снега,
Лепим мы снеговика.
Снеговик как на картинке!
Зазевается едва —
В головном уборе с дыркой
Птицам скормится еда.
Можно ртом ловить снежинки
И в сугробы взять упасть,
Что в пуховые перинки,
Ушибиться не боясь.
Раскраснелись. Стало жарко.
С крыши снег сорвался: бом!
И моя сестрёнка Ларка
Превратилась в снежный ком.
Я её спасаю душу
И, со славой храбреца,
Шубку кроличью, что грушу,
Вытрясаю у крыльца.
Вот мы валенки на печке
Сушим, варежки свои,
В ней трещат поленья-свечки,
Дух исходит от хвои.
Во дворе стоят салазки.
На столе лежит букварь.
Прожит день, как в доброй сказке.
Закрываю календарь.

«Уж кукушка не кукует...»

Уж кукушка не кукует.
Словно слышен волчий вой,
То в лесах и в рощах дует
Чаще ветер верховой.
Гладит травы против шёрстки:
Лопухи, полынь, бурьян.
Набралось чуть больше горстки
В почву брошенных семян.
Ощетинились овраги,
Зная ветра буйну дурь:
Выдирал из почв коряги,
Насылал десятки бурь!
Здесь утрами из туманов,
В расстоянии руки,
Выплывают параманы
И монахов клобуки.
За туманами зазимки
Уж вдыхают холода.
Ждать теперь весны озимке,
Словно Божьего суда.
Воздух треснул. Воздух ухнул,
Словно бабушкин фарфор.
И на землю снегом рухнул
С плеч небесных омофор.

«Люблю ноябрьскую голость...»

Люблю ноябрьскую голость,
Одежд использованных рудь
И из души кричащий голос,
Которым сдавливало грудь.

Люблю ноябрьскую серость,
Видна в ней истинная суть,
И слова вызревшего спелость,
И чувств невысказанных грусть.

Люблю ноябрьскую строгость
Геометрических фигур,
И вечеров прохладных долгость
Для человеческих натур.

Люблю ноябрьскую сырость,
Предсмертный воздуха глоток,
И эту Божескую милость —
Под прелью будущий росток.

Люблю ноябрьскую ленность
И отрешённость от всего,
И эту сладостную пленность
До пальцев кончиков его.

«Поминальные всё речи...»

Поминальные всё речи
Ветра слышатся меж сосен —
Отошла в иной мир осень.
Откадил ноябрь. Свечи
Не горят и не блистают
На берёзах, липах, клёнах.
Дни, сворачиваясь, тают,
Дремлют в озимях зелёных.
Небосвод то сер, то синий:
Тучи, тучи, облака...
Исхудавший в чёрной схиме
Виден лес издалека.
Ноги босые в сандалиях,
Куколь давит на глаза.
Так глядит с тоской он в дали,
Что из глаз бежит слеза.
Ветер треплет леса схиму,
Разбивает в прах и пух!
Пережить бы эту зиму,
Закалить бы силы дух!
Чтоб весной, мечту лелея,
После стужи гробовой,
Сбросив схиму, поскорее
Зеленеть молодой листвою.

«Топится банька...»

Топится банька.
Парится речка.
В речке таранька
Водится. Свечки
Жёлтые жгутся,
Медленно тают.
Дикие жмутся
Утицы в стаи.
Скоро простятся
С Родиной малой
И возвратятся
В край постоянный.
Смолкнут все птицы.
Станет угрюмей
Лес, погрузившись
Снова в раздумье.
И затвердеют
Серы и голы
Вновь на Авдея
Ветви и стволы.

«Вечереет. Осень. Гулко...»

Вечереет. Осень. Гулко.
Слышно, ветер как бежит
Холодком по переулкам,
И как воздух дребезжит,
И как липы лист остывший,
Раскачавшись, что фонарь
За окном скрипит, и слышно,
На селе звонит звонарь.
Вся сквозна, бледна и тоща
На холмишке за селом
Из окна виднеет роща,
Шепчет месяцу псалом.
Сердцу горько — сердцу сладко...
В моё тёмное окно
Из большой небесной кадки
Льётся свет давным-давно.
Льнёт лоза в саду к шпалере
Виноградная, гляжу,
И моя крепчает вера —
Зиму вновь переживу.

«Август. Лето на изломе...»

Август. Лето на изломе.
Солнца луч с утра не дож.
В поле скирдами солома.
Продавай оглобли в гуж!
Запрягай свою лошадку!
На повозке гужевой
И не валко, и не шатко
Повезём снопы домой
Мимо вспаханного поля,
Где добытчик и копач,
Чтоб семян наесться вволю,
Ходит важно чёрный грач.
Мимо леса, где осины
Заалеют к октябрю
Под холодным небом синим,
Строго по календарю.
На полянах и опушках
Задрожит осины лист,
С приближеньем белых мушек
Станет сладко-сахарист.
Горше пекарской ванили
Разойдётся листьев дух,
И деньки, что нас манили,
Превратятся в снежный пух.

«Месяц август — месяц жнивень...»

Месяц август — месяц жнивень.
Благодарен август, щедр.
Редки грозы. Редки ливни
Из небесных хлещут недр.
Остывают воды в реках
На Ильи-пророка день.
Так идёт из века в веки —
В них купаться скукотень!
Меньше требуются квасы —
Жажды нет такой внутри.
Больше празднуются Спасы,
Как и прежде на Руси.
В юбке серенькой из твида
 Попрошу в Орехов Спас
Я святого Диомида —
Пусть помолится за нас!
Вечерком истопим баньку.
С пылу, с жару из печи
Вынем «бабушкины» шаньги —
После баньки хороши!
И, потягивая жгучий
Тонкой струйкою чаёк,
Будем видеть, как за кручей
Горной прячется денёк:
Не денёк, по сути, лето,
Вместе с ним Орехов Спас
На другом закрайке света,
Где Макар телят не пас.

«Сколько их на свете — Родин...»

Сколько их на свете — Родин:
Две, четыре или три?
Вижу в ягодах смородин
Ту, что помню, изнутри:
Дом саманный в три окошка
И поблизости лесок.
Рвётся ягода в лукошко,
Из берёзы в туюсок.
Из глубин леска, и с края,
Ароматная на вкус,
Очень сладкая такая,
Клеит губы, клеит ус.
Рвутся листья к маринадам,
Кроме ягоды в компот.
Вот уж мама будет рада!
Летом дел неупорот!
Дышит, пышет чайник паром,
Как рассерженный свистит,
Из стекла пустая тара
На носу его висит.
На столе лежат рядками
Налитые огурцы,
Зонт укропный в помощь маме
И чесночные зубцы.
Сколько прелести в событьях!
Воздух свеж, хоть август жгуч.
Вышивает память нитью
Той, что спрял рассветный луч.
Вот ещё одна картинка
Мой порадовала глаз —
Помидоры в паутинках.
А за ней — Медовый Спас.

«В синих пропастях меж облак...»

В синих пропастях меж облак
Солнце яркое встаёт.
И земля меняет облик,
Розой алою цветёт.
И антоновкою пахнет.
С раскрасневшимся бочком
Плод, зевнув на ветке, ахнул! —
На траву упал ничком.
Травы мокрые согбенны,
Им ли, матушкам, не знать,
Что милей всего с коленей
Гласу Божьему внимать.
Солнце встало. Светит ярко.
Серебра и злата сплав
Отражают лавки в парках
И соборов сотни глав.
Открывают люди створки
Золочёного окна,
В них, потягиваясь, шторы
Лезут в створки после сна.
И петух соседский Борька
Раскричался на жерди,
Засвидетельствовал зорьку
В синем небе, посреди.
Огородный мой подсолнух
Задирает к солнцу нос —
Тот ещё небесный олух,
Золотистый медонос.

«Изранен ветрами февраль...»

Изранен ветрами февраль.
Изорванное в клочья небо.
Но сквозь чернеющую даль
Придут дожди, родятся хлебы.
Пробьются травы через прель,
Листву, оставленную в осень.
И соловья услышу трель
В день марта женский с цифрой 8.
И до тепла подать рукой,
Всего осталось-то — полвздоха,
Чтоб с настоящей весной
Мне повстречаться на Евдоху.

«Осени листья — церковные маковки...»

Осени листья — церковные маковки
И золотые кресты.
Годы горстями, возраст бальзаковский,
Наши с тобою мечты.
Осени листья — капли Христовой
Крови, пролитой за нас,
Напоминают нам снова и снова
В этот уныния час.
Осени листья — пасхальные крашенки,
В берестяное луко
Их упакут деревья-монашенки,
Чёрное платье-сукно.
Осень — картина отчасти прощальная,
Но ощущаю покой,
Лишь под ногами яичной, пасхальной
Лист захрустит скорлупой.
Осень — пора золотая раздумий
И покаяний пора,
Где сам себе монастырь и игумен,
Чистый листок для пера.
Лист припадает к подножию древа —
К ступням Спасителя мы
В ветхой одежде, но с крепкою верой
Снова в преддверии зимы.

«Уже поля чернеют пашнями...»

Уже поля чернеют пашнями,
И днями целыми дожди.
Сады зелёные, вчерашние
Цветными стали в эти дни.
Погода по обыкновению
Меняет осени наряд,
А вместе с ней и настроение:
То грустный, то весёлый лад.
Бывает в дни погоды ясные
В окно ветвей проглянет луч,
И заискрятся листья красные.
А воздух сладок и тягуч!
И ветерок бежит, волнуется
С небес, и сад волнует сам.
И листик с листиком целуется.
И мёд сбегает по устам.
Бывает в дни, когда ненастье,
Дождём сад залит через край,
И я тогда хандры во власти,
И рай в саду тогда не рай.
И ветер в крике весь заходится,
И листья рвёт с ветвей, и хмарь.
— Бог даст, до завтра распогодится
И успокоится бунтарь!
Сад после трёпки, точно болен
Казаться будет мне, и стар.
Но был ведь жизнью он доволен,
Пылал на солнце птицей-жар!
Уж скоро в небе бирюзовом
Сады начнут сквозить, чернеть,
И вдоль полей с озимкой снова
Остроги древние виднеть.

«Бреют флюгеры на крышах...»

Бреют флюгеры на крышах
Истребители-стрижи.
Звук пичужий чётче слышен,
Нарезают виражи.
Налетают, как цунами.
Сеют-веют на гумне
Мух и мошек с комарами,
Прибивают их к земле.
Тяжелы их крылья росны:
Мошек, мух и комаров,
Косят их стрижи, что косарь
Травы утром в день Петров.
Тучу гром сильней пришпорил.
И земля, и лес дрожит.
Дождь начнётся очень скоро —
В гнёзда спрятались стрижи.
Грома частые раскаты,
Молний отблеск на стекле —
Грозовые перебаты
Разыгрались на селе.
Даль невидимая рядом.
Завернулась кутерьма.
Огороды и ограды,
Потемневшие дома
Сникли все под тучей скорбной,
Охватила их хандра.
Бьёт свинцовый ливень дробный
Из дырявого ведра.
В грязных лужах капель всплески:
Монотонный, ровный шум.
Ни равнин, ни перелесков
Не увидишь наобум.
У окошка лезут думы
В моё светлое чело
Под грозы и ливня шумы,
Захватившие село.
Луч сверкнул. Смородин чисты
На меня глядят глаза.
Травы сделались душисты,
Лишь закончилась гроза.

«Ещё будет много света!..»

Ещё будет много света!
Но сентябрь — месяц хмурень,
Лишь нахмурит бровь, примета,
Значит, жди дождя и бури.
И помчатся тучи с ветром,
И закроют неба просинь,
Словно бабушкиным фетром
Лип, берёз касаясь, сосен.
И запляшут капли шумно
С ветром в ритме в стиле румба,
Страстно так и так бездумно,
Словно где-то на Курумбе.
Вдруг раздастся, словно в рупор,
Грома глас и ветра вопль,
Осветится, словно купол,
С золотою кроной тополь.
А потом всё смолкнет, будто
Ничего и не случилось —
Просто с радугою утро
Через шторы просочилось.
Ещё будет бабье лето...
Эти женские капризы!
Ещё будет много света —
Осень — дамочка с сюрпризом!

«Июльский день лучом распятый...»

Июльский день лучом распятый:
Всё жгучей, жгучее огни.
Грустят в лугах полынь и мята,
Вся живность прячется в тени.

Куда-то все исчезли птички.
Горячий воздух давит, туг.
Не слышно звонкой переклички —
Всё будто замерло вокруг.

В кустах не кружатся без толку
Едва живые комары.
Стрекочет только без умолку
Кузнечик — подданный жары.

В парчовой небо треуголке.
Ему почудилась гроза.
Как будто высохли и колки
От зноя синие глаза.

Ох! Тяжела в полях работа.
Но солнце палит не щадя —
Убрать хлеба людей забота,
Успеть до первого дождя.

«Влаголюбивая, поэтому с претензией...»

Влаголюбивая, поэтому с претензией
К июньскому засушливому дню
Изысканная, нежная гортензия
Склонила низко голову свою.
Её запястья тонкие и шейка
В ажурных, лёгких, белых кружевах —
Весь день трудилась пчёлка-белошвейка
В воротнике, манжетах, рукавах.
Услышав сказ про Божию коровку
К полудню в ветра пламенных речах,
Она дугою выгибает бровки.
О, как она прекрасна при свечах
Холодных звёзд! И вытянута шейка.
И кисти рук, потянутые вверх.
И не пугают тени — телогрейки,
Ползущие со всех в округе стрех.
Одевшись на рассвете в ожерелье,
Такие дарят знатные князья
Своим любимым мадемуазелям,
Готова слушать трели соловья.

«Стихли февральские бури...»

Стихли февральские бури,
И отзвенела капель.
Вот и куличик в глазури
С вербою к нам подоспел.
Луч золотистый и меткий
Льёт на куличик сусаль.
Он на ажурной салфетке
Смотрит в лазурную даль.
Терпкая в вазочке верба
Рядом роняет цветок.
Русь пробуждённая с верой
Кротко глядит на восток.
Жёлтые солнце полосы
Уж опускает за лес
И колесом от повозки
Крутится в сини небес.

«Спешат, как нижутся у храма...»

Спешат, как нижутся у храма,
Как будто бусины на нить,
Отцы и бабушки, и мамы,
Когда б их в нить соединить.
В руках сжимают вербы прутья
С любовью, верою. При том
С надеждой входят в храм и ждут, и
Готовы к встрече со Христом.
А к ним навстречу ладан клейкий —
Молитв и святости слуга
Летит, что пчёлка из келейки
На пробуждённые луга.
Горят в подсвечнике уж свечи.
С иконы лик Христа глядит.
Уж всё готово к светлой встрече.
Уж к встрече всё благоволит.

«Старушке снова жарить соль ...»

Старушке снова жарить соль —
Она избавит от недуга.
А юной трепетной Ассоль
Дождаться праведного друга.
А утру раннему встречать
Кукушек, аистов, синицу.
Кому-то главную начать
Писать судьбы своей страницу.
Не впасть бы в ложь.
Не впасть бы в лесть.
Плывёт под парусами шлюпка.
По телу дрожь —
Благая весть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.